

Австрійская raison d'état въ Галиціи.

(Письмо изъ Галиціи).

29-го декабря минувшаго года собрался во Львовѣ „единственный польскій сеймъ на землѣ бывшей Рѣчи Посполитой“, чтобы рѣшить вопросъ, который теперь занимаетъ въ Галиціи всѣхъ и каждого,—вопросъ объ избирательной реформѣ.

Чтобы понять все значеніе этого вопроса для края, въ особенности для его украинской части, необходимо бросить взглядъ назадъ, къ тому времени, когда былъ заложенъ первый камень существующей политической системы въ Галиціи,—къ 1867 году.

1867 годъ принесъ съ собою крахъ стараго нѣмецкаго централизма. Разбитая внѣшнимъ врагомъ, раздираемая междунаціональною борьбой внутри, Австрія была вынуждена для установленія хоть какого-нибудь *modus'a vivendi* между ея народами поступиться принципомъ централизма. Самою солидною брешью въ этомъ принципѣ было нѣмецко-венгерское соглашеніе 1867 года.

Это соглашеніе, отдавшее въ полное распоряженіе мадяровъ Транслейтанію, въ Цислейтаніи должно было гарантировать господство нѣмецкаго элемента. Однако провести эту идею въ ея чистомъ видѣ не удалось. Вскорѣ какъ нѣмцамъ, такъ и венграмъ пришлось искать себѣ среди подчиненныхъ имъ народовъ союзника, опираясь на котораго можно было бы уже безъ всякаго стѣсненія держать въ повиновеніи прочія націи или „орды“, по выраженію тогдашняго премьера гр. Бойста.

Въ Венгріи привилегированною націей стали хорваты, въ Астріи эта роль была предложена полякамъ.

Извѣстныя слова адреса львовскаго сейма на имя императора „zu Dir, Majestät stehen wir und wir wollen stehen“

(при тебѣ, государь, мы стоимъ и хотимъ стоять) были отвѣтомъ на предложеніе.

Этими памятливыми словами, опредѣляющими и до сихъ поръ отношеніе галицкихъ поляковъ въ коронѣ, договоръ былъ заключенъ. Вчерашніе революціонеры стали вѣрными подданными Франца-Иосифа, а въ награду за свою лояльность сдѣлались наслѣдственными опекунами галицкихъ украинцевъ.

Съ этого момента и начинается та полонофильская, враждебная украинцамъ политика Вѣны, которая въ короткое сравнительно время создала изъ Галиціи старую польскую республику въ миниатюрѣ. Вся политическая власть въ краѣ находится въ рукахъ поляковъ. Намѣстникъ Галиціи—полякъ, краевое правительство (Landesausschuss) состоитъ изъ 5 поляковъ и 1 украинца, всѣ 76 „старостъ“ (уѣздные начальники)—поляки, $\frac{7}{8}$ членовъ сейма—поляки. И не только въ краѣ, но и въ государствѣ поляки—нація привилегированная. Въ то время какъ украинская половина галицкаго населенія выбираетъ 28 депутатовъ въ парламентъ, поляки посылаютъ ихъ 78. Почти въ каждомъ кабинетѣ засѣдаетъ два министра-поляка, министр „для Галиціи“—также непременно полякъ, портфель министра финансовъ скоро станетъ наслѣдственнымъ въ польскомъ колѣ. Самымъ важнымъ, однако, приобрѣтеніемъ поляковъ въ Австріи является автономія Галиціи. Эта автономія оставляетъ далеко за собою автономныя права другихъ „коронныхъ земель“. Напримѣръ, въ то время, какъ вездѣ въ Австріи учителя гимназій назначаются министерствомъ, въ Галиціи ихъ назначаетъ областной школьный совѣтъ, состоящій въ громадномъ большинствѣ изъ поляковъ. Дальше, въ то время какъ открытіе гимназій во всемъ государствѣ зависитъ отъ центральнаго правительства, въ Галиціи ни одна изъ нихъ не можетъ быть основана безъ согласія сейма,—другими словами, безъ согласія поляковъ. Можно бы было привести цѣлый рядъ законовъ (въ родѣ знаменитаго *Lex sala*), которые значительно расширяютъ автономію Галиціи по сравненію съ другими провинціями имперіи.

Если вспомнимъ, въ чьихъ рукахъ находится политическая власть въ краѣ, то станетъ яснымъ, въ чьихъ исключительно интересахъ эта автономія установлена.

Освободившись отъ докучливой опеки Вѣны, поляки стали почти безконтрольными хозяевами края. Какъ это

обстоятельство отразилось на благосостояніи другой, украинской, половины галицкаго населенія,—объ этомъ пусть свидѣлствуютъ факты. Напримѣръ, поляки имѣютъ въ Галиціи 50 гимназій, украинцы—5 (пять). Причемъ изъ-за одной изъ нихъ (въ Станиславовѣ) украинцамъ пришлось вести долготѣтную борьбу, приведшую въ свое время къ сецессіи украинскихъ депутатовъ изъ сейма! Достаточно хотя бы бѣгло пересмотрѣть бюджетъ Галиціи, чтобы бросилась въ глаза поразительная несоразмѣрность между суммами, служащими удовлетворенію потребностей и нуждъ польскаго и украинскаго народовъ. По бюджету 1911 года краковская академія наукъ получаетъ 112,000 кр. субсидіи; украинская же академія—„Научное общество имени Шевченка“—17,000. На долю поляковъ приходится и львиная часть всѣхъ субсидій на благотворительно-просвѣтительныя цѣли. Въ рубрикѣ „Театръ и изящныя искусства“ изъ общей ассигновки въ 214,000 кр. польскіе театры и общества получаютъ 186,000, украинскіе—24,500. То же самое и въ области народнаго хозяйства. Напримѣръ, на изданіе польскихъ экономическихъ и сельскохозяйственныхъ газетъ расходуется сеймомъ 14,600 кр., на изданіе украинскихъ—1,000 кр.

Пришлось бы переписывать цѣлыя страницы изъ „Отчета бюджетной комиссіи“, чтобы дать понятіе о той политикѣ „національнаго эгоизма“, которая съ такимъ успѣхомъ проводится въ жизнь галицкими поляками.

Сорокъ лѣтъ этой политики польской шляхты, держащей власть въ краѣ, вмѣстѣ съ полнымъ пренебреженіемъ экономическими интересами крестьянства, принужденнаго массами выселяться въ Америку, привели Галицію въ состояніе нищеты, беспощадной національной борьбы и политическаго хаоса.

Эта же политика и была причиною теперешняго кризиса.

Долгое время удавалось полякамъ благодаря своему вліянію въ парламентѣ и при дворѣ игнорировать „украинскія жалобы“, какъ они иронически называли рѣчи украинскихъ депутатовъ о невозможномъ положеніи въ Галиціи. Да и само центральное правительство,—было ли это правительство бар. Гауча или гр. Штирка, все равно,—не особенно спѣшило навстрѣчу украинскимъ требованіямъ. Поляки, о которыхъ въ вѣнскихъ политическихъ кругахъ говорятъ,

что они „sind für jede Regierung zu haben“ (готовы служить всякому правительству), дѣйствительно, были покорными рабами всякой власти, лишь бы она не посягала на status quo въ Галиціи. Опираясь на нихъ и балансируя—болѣе или менѣе удачно—между нѣмцами и чехами, ни одинъ австрійскій премьеръ не ощущалъ особенной потребности считаться съ незначительной сравнительно группой украинскихъ депутатовъ.

Однако, обстоятельства мало-по-малу измѣнились. Австрійскіе украинцы перестали быть, по „поэтическому“ выраженію гр. Бойста, „ордою“. Они стали, —вѣрнѣе, становятся, —лидерною націей, все болѣе и болѣе сильною культурно, экономически, а значить, и политически. Съ ними серьезно—volens nolens—приходилось считаться и полякамъ, и правительству. Рядъ событій,—аграрныя волненія, убійство намѣстника гр. Потоцкаго, университетскіе беспорядки, окончившіеся кровавымъ столкновеніемъ 1-го іюля 1910 г. и массовымъ процессомъ украинскихъ студентовъ, наконецъ, украинская обструкція въ сеймѣ,—все это заставило вѣнскіе правящіе круги пристальнѣе присмотрѣться къ украинскому вопросу. Мало-по-малу изъ вопроса чисто-галицкаго, мѣстнаго, украинскій вопросъ выросъ въ вопросъ, разрѣшеніе котораго стало необходимымъ въ интересахъ всей имперіи.

Если примемъ во вниманіе еще международный моментъ, играющій свою роль въ польско-украинско-австрійскихъ отношеніяхъ, то станетъ вполне понятнымъ желаніе Вѣны уладить во что бы то ни стало національныя отношенія въ Галиціи.

Безусловно, подъ давленіемъ Вѣны, хотя поляки это и отрицаютъ, начались и послѣдніе польско-украинскіе переговоры о соглашеніи. Исторія этихъ переговоровъ показываетъ какъ нельзя яснѣе, что ни о какой, собственно говоря, „угодѣ“ польскіе политики и не думаютъ, а если и вступаютъ въ переговоры съ украинцами, то, во всякомъ случаѣ, не по своей инициативѣ. Главнымъ пунктомъ, около котораго вертится весь вопросъ о соглашеніи, является реформа избирательнаго права. Реорганизация сейма, этого главнаго источника и опоры шляхетскаго господства въ Галиціи, сдѣлалось важнѣйшимъ требованіемъ украинцевъ.

Агитация въ пользу избирательной реформы въ Галиціи началась почти съ того времени, когда Австрія получила

всеобщее избирательное право при выборахъ въ парламентъ, т.-е. съ 1906 г. Отъ 1908 г. социаль-демократія устраиваетъ рядъ демонстрацій, отправляются депутаціи съ соотвѣтственными петиціями и пр. Демонстраціи разгонялись полиціей по способу, очень близко напоминающему русскій, а депутаціямъ, являющимся къ намѣстнику и предсѣдателю сейма, отвѣчали, что „все будетъ сдѣлано для скорѣйшаго осуществленія реформы“.

Эта комедія тянулась до осени 1910 г., когда украинскіе депутаты въ сеймѣ были вынуждены прибѣгнуть къ технической обструкціи. Сеймъ былъ распущенъ, и особой „перманентной“ комиссіи было поручено выработать проектъ избирательной реформы. Недавно этотъ проектъ, авторомъ котораго является г. Стажынскій, увидѣлъ свѣтъ. „Реформа“ превзошла всякія ожиданія. Основа ея — сохраненіе всѣхъ преимуществъ, которыми до сихъ поръ пользовалась шляхта при выборахъ въ сеймъ. Почти четвертая часть всѣхъ мандатовъ (44 на 192) отдается кучкѣ земельныхъ магнатовъ. Сохраняются куріи, число ихъ увеличивается на двѣ, вводится плюральность голосованія. Громадныя, совершенно не соотвѣтствующія ея политическому значенію, преимущества получаетъ и городская буржуазія, въ то время какъ масса городского пролетаріата избираетъ въ своей куріи 10 членовъ сейма. Да и этотъ десятокъ избирается вмѣстѣ съ крупнымъ мѣщанствомъ, голосующимъ въ двухъ куріяхъ. Наконецъ, сельское населеніе, составляющее до 0,8 всего населенія края, получаетъ, согласно проекту, менѣе половины общаго числа мандатовъ (80 на 192).

Въ такомъ видѣ представляется проектъ, выработанный въ результатѣ компромисса всѣхъ польскихъ партій въ сеймѣ, не исключая и „людовцевъ“ (народниковъ), которые изъ „любви къ отчизнѣ“ пожертвовали нѣсколькими мандатами по сельской куріи, лишь бы уменьшить количество украинскихъ депутатовъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ замѣчательный проектъ встрѣтился съ оппозиціей украинцевъ. На засѣданіи подкомиссіи сейма по вопросу объ избирательной реформѣ, украинцы потребовали 33% всѣхъ мандатовъ. Желаніе,—принимая во вниманіе, что число украинскаго населенія въ Галиціи если не равняется, то немногимъ лишь меньше польскаго,—очень скромное. Поляки отвѣтили на это требованіе отказомъ. Украинцы покинули засѣданіе.

Такимъ обрзомъ, война была объявлена.

Къ ней мы еще вернемся, здѣсь же замѣтимъ слѣдующее. Вся исторія съ послѣдними переговорами показываетъ, что современные польскіе политики въ Галиціи все еще смотрятъ на украинцевъ глазами своихъ прадѣдовъ. Когда, болѣе чѣмъ 250 лѣтъ назадъ, украинскій народъ также требовалъ себѣ равноправія съ польскимъ, одинъ изъ виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей тогдашней Польши, кн. І. Вишньовецкій сказалъ: „Lepiej nie żyć, niż gdyby chłoptwo miało nami rządzić!“ (лучше не жить, чѣмъ позволить мужичью править нами!).

Тѣ же, въ сущности, слова, почерпнутыя изъ лексикона политической мудрости XVII ст., являются и теперь лозунгомъ современныхъ Вишньовецкихъ — Потоцкихъ и Глобинскихъ. Они все забыли и ничему не научились. Они готовы бороться съ украинцами до послѣдней капли крови изъ-за текста желѣзнодорожныхъ билетовъ, забывая, что на украинскій вопросъ можно взглянуть не только съ точки зрѣнія галицкаго захолустья, а также исходя изъ интересовъ всей Польши. Лежитъ ли въ общепольскихъ національныхъ интересахъ преслѣдованіе украинцевъ въ Галиціи,—надъ этимъ не ломаютъ себѣ головы польскіе политики.

Край нуждается въ новыхъ школахъ и дорогахъ, деньги на которыя долженъ дать сеймъ; край ожидаетъ отъ него борьбы съ принимающей чудовищныя размѣры дороговизной, а сеймъ... долженъ дрожать передъ обструкціей 15 украинскихъ депутатовъ!

Можно ли представить себѣ болѣе яркую картину банкротства той системы, которая такъ блестяще началась въ 1867 г.?

Настоящее положеніе дѣлаетъ до очевидности яснымъ, что господству польской шляхты въ Галиціи приходитъ конецъ. Послѣднія событія показали, что безъ соглашенія съ украинцами нѣтъ сейма. Безъ соглашенія съ ними автономія края—пустая иллюзія. „Не тепер, то въ четвер“, а будетъ вынуждена шляхта или подѣлиться своею властью съ украинской и польской демократіей, или же... вести край къ полному хаосу и разложенію, на что, однако, врядъ ли согласится центральное вѣнское правительство.

Оно въ послѣднее время начинаетъ нѣсколько косо посматривать на всѣхъ любимцевъ въ Галиціи. Недавно бар. Гаучъ замѣтилъ, что „государству очень дорого стоитъ

польская лояльность“. Не являются, повидимому, фантазіей и слова, сказанныя, какъ увѣряетъ „Vaterland“, императоромъ Францемъ-Іосифомъ о полякахъ, „переставшихъ будто бы быть факторомъ въ политическихъ соображеніяхъ монарха“. Правда, всѣ эти фразы пока—только фразы, и поляки до сихъ поръ являются всесильными въ краѣ и въ государствѣ. Однако, эти фразы не лишены извѣстнаго симптоматическаго значенія. Дѣло въ томъ, что, особенно въ послѣднее время, австрійскій „государственный разумъ“ сталъ попадать все чаще и чаще въ конфликтъ съ польскимъ, что проявилось особенно рѣзко въ поддержкѣ москвофиловъ поляками. Неославянская комедія, въ которой полякамъ принадлежала одна изъ главныхъ ролей, также съ достаточною ясностью вскрыла противорѣчіе политическихъ интересовъ Австріи и Польши. Это обстоятельство, а также анархія въ Галиціи позволяютъ надѣяться, что крахъ существующей политической системы въ краѣ не за горами. Какъ скоро онъ наступитъ,—это другой вопросъ.

Какъ бы то ни было, а старая австрійская *raison d'état* въ Галиціи переживаетъ моменты остраго кризиса, чреватаго самыми неожиданными послѣдствіями.

Дм. Донцовъ.

Р. S. Письмо это было написано передъ самымъ началомъ украинской обструкціи въ сеймѣ. Обструкція началась на первомъ же засѣданіи, когда выяснилось, что въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе сейма, вопроса объ избирательной реформѣ не было. Въ обструкціи принимали участіе фактически только лишь 12 украинскихъ депутатовъ. Москвофилы по обыкновенію усѣлись между двумя стульями: не желая дразнить поляковъ, они не хотѣли производить обструкціи, не желая же попасть въ число враговъ избирательной реформы, они не могли принимать участія вмѣстѣ съ польскимъ большинствомъ въ засѣданіяхъ. Поэтому они... покинули поле битвы и въ сеймѣ не появляются. Послѣ первой же десятиминутной обструкціи, начались опять переговоры между украинскимъ и польскимъ клубами. Положеніе украинской стороны является особенно неблагоприятнымъ, такъ какъ, соглашаясь на 33% мандатовъ, украинцы сдѣлали максимумъ возможныхъ уступокъ, между тѣмъ, какъ поляки врядъ ли согласятся уступить имъ болѣе, чѣмъ 26—27%. Дм. Д.